

ПРОТЯЖЕННОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ СТУДЕНТОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ АКТУАЛИЗАЦИИ АУТОМОРТАЛЬНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ*

Аннотация. Представлены данные экспериментального исследования, показавшего, что актуализация тревожности личности по поводу неизбежной конечности собственного существования (аутомортальной тревожности) оказывает влияние на временную перспективу студентов, что проявляется в ее диффузном расширении и экстравертной направленности. Обсуждается проблема возможных механизмов влияния аутомортальной тревожности на развитие личности.

Ключевые слова: тревожность, личность, временная перспектива, темперамент, направленность личности.

Устремленность в будущее как центральное психологическое новообразование юношеского возраста зависит от конкретного содержания социальной ситуации развития личности (Л.С. Выготский [2], Л.И. Божович [1], И.С. Кohn [5], М.И. Гинзбург [3]), которая претерпевает в последние годы серьезные трансформации. Происходящие в нашем обществе социально-экономические процессы способствуют определенной диффузии в определении планов на будущее не только на личностном, но и на общественном уровне. При этом, помимо социально-исторических факторов, существенное влияние на жизненные планы юношей и девушек не могут не оказывать обстоятельства экзистенциального порядка, связанные с осознанием конечности индивидуального существования. Будущее для отдельной личности содержит в себе не только некое «жизненное пространство», но и факт его ограниченности и хрупкости. Думая о будущем, приходится осознавать и трагическую проблему его границ. Та внутренняя работа, в которую вовлекается взрослеющий человек, сопряжена с периодическим столкновением с темой личной

смертности, и вряд ли может быть проделана без какого-либо решения на этот счет.

В одной известной работе И.С. Кона отмечается, что молодые люди в юности должны отказаться от идеи личного бессмертия и принять неизбежность смерти, что заставит их «всерьез задумываться о смысле жизни, о том, как лучше прожить ее», так как «бессмертному некуда спешить, незачем думать о самореализации» [5; 90]. Он отмечает, как мучительно и трудно идет этот процесс в юности и косвенным образом связывает его со становлением зрелой идентичности, по Э. Эриксону. Иными словами, Кон полагает, что принятие неизбежности смерти является условием полноценного личного развития в юношеском возрасте, но при этом он не затрагивает аспекта эмоциональной окраски этого принятия. Если учесть, что в спектре эмоций, сопровождающих осознание неизбежности личной смертности, тревожность выступает в качестве ведущей модальности [по: 8], то именно наличие тревожности, а не ее отсутствие может быть рассмотрено в качестве нормативного условия становления личности. Об этом же более однозначно пишет В.Н. Карандашев: «... страх смерти, умеренно выраженный, не достигший патологической заостренности, играет позитивную роль в юношеском возрасте» [4; 27].

В своей работе мы поставили целью изучение того, оказывает ли осознание неизбежной конечности индивидуального существования и связанная с ней тревожность (аутомортальная тревожность) влияние на такое центральное психологическое новообразование ранней юности, как устремленность молодых людей в будущее. Эта устремленность операционализировалась нами в терминах временной перспективы, которую Н.Н. Толстых, вслед за Ж. Нюттенем, определяет как «выделяемый в сознании план представлений о будущей жизни», выступающий в качестве инстанции, опосредующей деятельность человека

* © Гаврилова Т.А., Ковалев П.А.

Работа выполнена при поддержке гранта РФНФ № 02-06-00184а

и влияющей на содержание и функционирование мотивационно-потребностной сферы личности [9; 27]. Мы предположили, что осознание конечности индивидуального существования, в силу активизации связанной с этим осознанием тревоги, оказывает влияние на содержание и протяженность временной перспективы молодых людей. В силу того, что наше исследование носило «разведывательный» характер, мы не строили гипотез о валентности и природе влияния аутомортальной тревожности, но лишь о том, что такое влияние вообще имеет место.

Экспериментальное исследование было спроектировано и проведено по схеме, разработанной в рамках «теории управления ужасом» (terror management theory – ТМТ) Дж. Гринбергом, Т. Пыжинским и Ш. Соломоном [11], [12] и позволяющей манипулировать аутомортальной тревожностью как независимой переменной. В оригинальной модели предполагается, что выполнение заданий, в которых испытуемому приходится сталкиваться с напоминанием о собственной смертности, вызывает у него состояние готовности к развитию тревоги, которую впоследствии он неосознанно старается особым образом предотвратить, – «буферизировать» ее, – что проявляется в усилении определенных психологических феноменов, служащих «буфером» для недопущения мыслей о смерти в сознание.

Понятие «буфера» соотносится с понятием о психологических защитах как об особом типе защит, по своему механизму принципиально отличающемся от психодинамических механизмов защиты в традиционном их понимании. «Буферы» рассматриваются как дистальные механизмы защиты, в то время как традиционные квалифицируются как проксимальные. Предполагается, что после активизации тревоги смерти в действие первыми вступают проксимальные защиты, которые снижают уровень тревоги, но этим процесс защиты сознания не завершается. После того, как уровень тревоги снижен, вступают в действие дистальные преграды, направленные на «профилактику» возможного проникновения мыслей о смерти в фокальное сознание индивида.

В качестве «буферов» авторы модели указывали на такие социально-психоло-

гические феномены, как самоуважение и солидарность с мнением референтной группы. При этом самоуважение, в свою очередь, выполняет особые диспозиционные функции, что проявляется в том, что солидарность с мнением группы наиболее ярко выражается в случае низкого уровня самоуважения.

Другой особенностью экспериментальной методологии ТМТ является указание на то, что «буферизирующие» эффекты влияния тревоги по поводу смерти наиболее четко проявляются после некоторой отсрочки и переключения на интеллектуальную деятельность (дистрактеров). Это объясняется тем, что сразу после напоминания о смерти развивается тревожное состояние, которое тут же начинает «гаситься» проксимальными защитами, а после переключения сознания на интеллектуальный режим функционирования действие проксимальных защит прекращается, но включается действие дистальных механизмов защиты – «буферов» против потенциально возможного повторения развития тревожности по поводу смерти.

Мы решили воспользоваться данной методологией в контексте психологии развития и наполнили ее своим содержанием, связанным с проверкой предположения о влиянии аутомортальной тревожности на временную перспективу студентов. При этом мы не рассматривали временную перспективу как в целом имеющую «буферную» или дефенсивную природу, но допускали, во-первых, что отдельные ее варианты, – в виде ситуативного сужения, например, – вполне резонно возможно квалифицировать как психозащитный прием, состоящий в попытке ментально отдалить себя от неизбежной участи всех смертных. Во-вторых, мы допускали, что временная перспектива может быть объектом конструктивного или деструктивного воздействия аутомортальной тревожности.

Наш общий экспериментальный план, так же, как и в ТМТ-исследованиях, состоял в организации сравнения эффектов в экспериментальной и контрольной группах. Экспериментальная группа получала буклет методик, в котором задание, связанное с напоминанием о смерти, выполнялось до заданий, связанных с оценкой временной перспективы. В контрольной группе это

место было отведено заданию, связанному с напоминанием о другой угрозе (зубной боли и посещением зубного врача), а остальные ничем не отличались от заданий экспериментальной группы. Последовательность предъявления методик была одинаковой для обеих групп и представляла собой следующую схему: инструкция – Методика определения социального типа личности Голланда (для создания установки на типичное исследование личности) – Опросник самоуважения Розенберга [6] (для оценки уровня самоуважения как сопряженной к независимой переменной) – задание описать свои предполагаемые ощущения и чувства в момент физической смерти или лечения зубов – задание-дистрактер в виде опросника досуговых предпочтений – 20 пунктов методики мотивационной индукции МІМ Ж. Нюттена [7] (для оценки показателей временной перспективы).

Из методики МІМ, которая основана на принципе завершения предложений, начатых в нашем случае в первом лице единственно числа, нами было выбрано 10 позитивных и 10 негативных индукторов.

Экспериментальная и контрольная группы составлялись методом рандомизации и исследовались в групповой форме и одновременно, что достигалось за счет попеременной выдачи буклетов экспериментального или контрольного вариантов находящимся в одной аудитории испытуемым.

Эмпирической базой исследования стали 90 студентов пединститута 17-19 лет, по 45 человек в контрольной и экспериментальной группах. Из них в контрольной группе 22 девушки и 23 юноши, в экспериментальной – 23 девушки и 22 юноши.

При обработке ответов испытуемых при помощи контент-анализа было отобрано 23 кодовых единицы, характеризующих временную перспективу по Ж. Нюттену.

Сравнения проводились с использованием непараметрического критерия U Манна – Уитни на ПК при помощи пакета статистических программ SPSS.13.

Результаты исследования

На первом этапе анализа результатов определялась однородность распределения уровней самоуважения по методике Розен-

берга (в адаптации Д.В. Лубовского) как сопутствующей аутомортальной тревожности переменной, предположительно опосредующей эффект напоминания о смерти. Анализ показал, что значимых различий по уровню самоуважения между юношами и девушками экспериментальной и контрольной групп, а также между группами в целом, не выявилось.

При внутригрупповом сравнении показателей временной перспективы по полу оказалось, что юноши и в контрольной, и в экспериментальной группах значительно превосходили девушек по показателю «желание чего-то от других людей» ($p = 0,03 - 0,05$). По другим показателям выявились отдельные различия, но внутригруппового типа. Так, в экспериментальной группе юноши превосходили девушек по показателю «актуальный период», а девушки – по показателям «среднее будущее» и «указание каких-либо личностных характеристик». В контрольной группе юноши превосходили девушек по показателю «открытое настоящее» и «социальный контакт». В силу указанных различий сравнение экспериментальной и контрольной групп проводилось отдельно для каждого пола.

Девушки. По показателям протяженности временной перспективы у девушек в целом различий между экспериментальной и контрольной группами не прослеживается, но они выступают при учете уровня самоуважения. У девушек с высоким уровнем самоуважения в экспериментальной группе более высокая, по сравнению с контрольной группой, ориентация на «жизнь в целом» ($p=0,006^{**}$), а у девушек с низким самоуважением более низкая ориентация на «среднее будущее» ($p = 0,03^*$).

По показателям содержания временной перспективы у девушек в целом обнаружены некоторые различия. Во-первых, в экспериментальной группе зафиксирована более низкая, чем в контрольной группе мотивация, связанная с собственной личностью ($p=0,0003^{**}$), причем независимо от уровня самоуважения девушек. Во-вторых, у девушек с высоким уровнем самоуважения в экспериментальной группе менее выражена мотивация, связанная с «активностью и работой» ($p=0,03^*$).

Юноши. По показателям протяженности временной перспективы у юношей в

целом прослеживаются различия по показателю «актуальный период» ($p=0,005^{**}$): в экспериментальной группе он значительно ниже, причем за счет юношей с низким самоуважением; у последних также значительно выше ориентация на «жизнь в целом» ($p=0,02^*$).

По содержанию временной перспективы у юношей просматриваются различия по показателям «активность и работа» ($p=0,03^*$), «социальный контакт» ($p=0,00^{**}$) и «желания, касающиеся других людей» ($p=0,04^*$). В экспериментальной группе значительно выше мотивация, связанная с социальными контактами, общением; причем независимо от уровня самоуважения юношей. Мотивация, связанная с активностью и работой в экспериментальной группе, ниже, чем в контрольной ($p=0,03^*$), причем значимее это различие у юношей с низким уровнем самоуважения ($p=0,02^*$). В экспериментальной группе юношей также ниже мотивация, связанная с желаниями в адрес других лиц ($p=0,04^*$), но в основном за счет юношей с высоким уровнем самоуважения ($p=0,04^*$).

Интересная инверсия в зависимости от уровня самоуважения выявилась по показателю «самореализация»: у юношей экспериментальной группы с высоким самоуважением он ниже ($p=0,04^*$), а с низким самоуважением он выше, чем в контрольной группе ($p=0,00^{**}$).

Обсуждение результатов

Полученные результаты в целом можно рассматривать как свидетельствующие о наличии эффекта влияния аутомортальной тревожности на протяженность и содержание временной перспективы юношей и девушек. Этот эффект проявляется в наличии различий между контрольной и экспериментальной группами по отдельным показателям временной перспективы. При этом пока рано делать какие-либо однозначные заключения о характере выявленного эффекта и факторах, его порождающих. Установление этого характера не входило в цели данного исследования, но некоторые обобщения на этот счет представляются правомерными и позволяют сформулировать отдельные предположения для будущей работы.

Так, в отношении протяженности временной перспективы можно заметить, что в тех случаях, когда прослеживались различия между контрольной и экспериментальной группами, они всегда проявлялись как расширение временной перспективы (урезание показателей ориентации на актуальный период и учащение показателей ориентации на жизнь в целом). Обращает на себя внимание диффузный характер такого расширения: в ответах испытуемых практически отсутствуют высказывания, которые можно было бы связать с каким-либо конкретным возрастным периодом или временем будущего: показатели среднего и отдаленного будущего очень незначительны.

О диффузности расширения временной перспективы можно судить и по ее содержанию. Под воздействием индукции аутомортальной тревожности мотивационная насыщенность временной перспективы изменяется таким образом, что уменьшается частота показателей мотивации, связанной с активностью и работой. Эта особенность может быть раскрыта как показатель снижения деятельностного характера жизненных планов и, таким образом, – как свидетельство в пользу констатируемого нами диффузного характера влияния аутомортальной тревожности на протяженность временной перспективы.

Далее, обнаружилось, что у юношей аутомортальная тревожность повышает мотивацию общения и что у девушек она снижает мотивацию, связанную с собственной личностью. Таким образом, в целом наблюдается изменение мотивации в направлении «от себя», мотивация становится более экстравертированной. Эта тенденция, на наш взгляд, несколько снижает степень диффузности расширения временной перспективы под влиянием индукции аутомортальной тревожности, так как представляет темпоральную ориентацию на «жизнь в целом» как все-таки наполненную определенными планами, – планами, связанными большей частью с социальными контактами. Тем не менее, это обстоятельство лишь незначительно снижает степень диффузности устремленности в будущее: жизненные планы, не связанные с планами по поводу какой бы то ни было работы, не могут быть рассмотрены как достаточно дифференцированные и реалистические.

Вместе с тем, заключение о диффузном расширении временной перспективы не может быть исчерпывающим. Так, у юношей к воздействию аутомортальной тревожности оказалась чувствительна также и мотивация, связанная с самореализацией. Причем это воздействие было прямо противоположным в зависимости от уровня самоуважения юношей. У юношей с высоким уровнем самоуважения в экспериментальной группе мотивация самореализации встречается значимо реже, чем в контрольной, а с низким самоуважением, наоборот, – чаще. Такая противоположность воздействия аутомортальной тревожности наводит на мысль о действии каких-то скрытых пока факторов, опосредующих это воздействие, и о том, что она при определенных условиях может стимулировать мотивацию самореализации.

Таким образом, аутомортальная тревожность может оказывать воздействие на протяженность временной перспективы в сторону ее диффузного расширения и изменять мотивационную насыщенность временной перспективы в сторону уменьшения выраженности деятельностной мотивации и в усилении ее экстравертного направления («от себя»). Однако само по себе наличие эффекта и его конкретное выражение в немалой степени зависит от пола и самоуважения личности, что наиболее четко проявилось в противоположном изменении под воздействием индукции аутомортальной тревожности самореализационной мотивации у юношей с разным уровнем самоуважения. Очевидно также и то, что может иметь место и влияние других, пока скрытых факторов.

Вопрос о валентности выявленного эффекта по отношению к становлению личности пока еще не может быть прояснен однозначно. Определенные же предположения на этот счет, тем не менее, можно высказать уже сейчас. Так, мы не обнаружили признаков защитного сужения временной перспективы под влиянием активизации аутомортальной тревожности, а скорее наоборот – признаки ее расширения. Можно ли говорить в данном случае о конструктивном влиянии этой тревожности на становление личности, ведь расширение временной перспективы входит в задачи самоопределения? Вряд ли это так,

если учесть одновременное ослабление ее содержательных показателей, связанных с деятельностью. Более того, расширение временной перспективы отмечается за счет такого диффузного показателя, как «жизнь вообще», без включения более конкретных показателей («среднее будущее», «отдаленное будущее» или «историческое будущее»). К тому же у девушек с низким уровнем самоуважения наблюдается даже снижение показателя «среднее будущее».

Таким образом, об эффекте влияния аутомортальной тревожности на протяженность временной перспективы предположительно следует говорить скорее как о носящем деструктивный характер по отношению к развитию личности в юношеском возрасте. Причины и природа такой деструктивности пока не очевидны, но вряд ли она имеет защитное содержание. Она также не связана с таким предполагаемым ТМТ защитным «буфером», как самоуважение, так как наблюдается и при высоком (у девушек), и при низком (у юношей) его уровнях.

Что касается выявленной тенденции к усилению «экстравертной» направленности, происходящей под влиянием аутомортальной тревожности, то эта тенденция вполне соответствует «буферной» концепции. Отвлечение сознания от своего Я может быть рассмотрено как защитная тенденция в силу того, что погружение в самоосознание сопряжено с осознанием такого имплицитного качества Я, как смертность. При этом данный «буфер» также не связан с самоуважением, поскольку обнаруживается независимо от его уровня.

Отдельного обсуждения заслуживает, на наш взгляд, природа эффектов воздействия аутомортальной тревожности вообще. В ТМТ этим эффектам придается исключительно психозащитный характер и имплицитно предполагается, что иной реакции на тревогу смерти у индивида быть не может. Однако психологические защиты, как известно, не всегда адекватны и возможен вариант, при котором воздействие тревоги имеет психотравмирующий, деструктивный характер. К тому же, несмотря на то, что авторы позиционируют свой подход как экзистенциальную социальную психологию, они почему-то не включают в свои рассуждения другой экзистенциалистской

идеи о возможности конструктивного, – без выдвигания каких-либо барьеров, – влияния тревоги смерти на жизнь и развитие человека как личности и индивидуальности (М. Хайдеггер, Р. Мэй, Д. Леонтьев). Проведенное исследование пока не дает возможности для обоснования характера эффектов воздействия аутомортальной тревожности, но оно позволяет наметить пути для дальнейшей разработки этой проблемы и выдвинуть определенные предположения о факторах и векторах этого воздействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М.: Просвещение, 1968.
2. Выготский Л.С. Проблема возраста // Собр. соч.: В 6 т., Т.4. 1984.
3. Гинзбург М.И. Личностное самоопределение как психологическая проблемы // Вопросы психологии. 1988. № 2. С. 9-26.
4. Карандашев В.Н. Жить без страха смерти. М.: Смысл; Академический проект, 1999.
5. Кюн И.С. Психология ранней юности: Книга для учителя. М.: Просвещение, 1989.
6. Лубовский Д.В. Применение опросника самоуважения М. Розенберга для исследования отношения подростков к себе // Психологическая диагностика. 2006. № 1. С. 71-75.
7. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004.
8. Рейнгольд Дж.С. Мать, тревога и смерть. Комплекс трагической смерти. М.: ПЕР СЭ, 2004.
9. Формирование личности старшеклассника / Под ред. И.В.Дубровиной. М.: Педагогика, 1989.
10. Greenberg J., Arndt J., Simon L., Pyszczynski T., & Solomon S. Proximal and distal defenses in response to reminders of one's mortality: Evidence of a temporal sequence // Personality and Social Psychology Bulletin, 2000. V. 26. P. 91-99.
11. Pyszczynski T., Greenberg J., & Solomon S. A dual process model of defense against conscious and unconscious death-related thoughts: An extension of terror management theory // Psychological Review. 1999. V. 106. P. 835-845.

T. Gavrilova, P. Kovalev

EXTENT AND CONTENT OF STUDENT'S TIME PERSPECTIVE DEPENDING ON ACTUALIZATION OF AUTOMORTAL ANXIETY

Abstract. This study aims to explore the influence of anxiety of the person in occasion of inevitable finiteness of own existence (automortal anxiety) on time prospect of students. Result indicated that automortal anxiety causes diffusional expansion and extrovertal orientations of student's time perspective. The problem of possible mechanisms of influence of automortal anxiety on development of the person is discussed.

Key words: anxiety, personality, time perspective, temperament, personality-oriented.

УДК 159.923.5

Идобаева О.А.

СВЯЗЬ ИНДИВИДУАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИХ СВОЙСТВ С САМОАКТУАЛИЗАЦИЕЙ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы самоактуализации студентов старших курсов в связи с их индивидуально-типологическими особенностями. Актуальность исследования данной проблемы определяется важностью этого процесса в становлении человека как субъекта профессиональной деятельности. Проблема рассматривается под углом зрения поиска

факторов, способствующих или препятствующих процессу самоактуализации. Одним из таких факторов является индивидуально-типологическая направленность личности, степень ее адаптированности и способности преодолевать различные стрессогенные ситуации. В статье приводятся данные проведенного автором исследования связи индивидуально-типологических особенностей с самоактуализацией личнос-

* © Идобаева О.А.